

Дафна Дюморье
Извилистые тропы
Серия «Англия. Классика. XX век»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8271213
Извилистые тропы: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-085157-7

Аннотация

Фрэнсис Бэкон – уникальная фигура даже для «золотого века» Англии. Его блестящий, вдохновенный ум и отношение к науке вызывают восхищение. А знаменитый афоризм Бэкона «Знание – сила» пережил века. Юрист и историк, гениальный философ, политик и государственный деятель... Кажется, список талантов Фрэнсиса Бэкона бесконечен. Впрочем, то же можно сказать и о его многочисленных завистниках, недоброжелателях. Придворные интриги, личные симпатии и неприязнь, дружба и предательство – это ли не сюжет для романа! Произведение великолепной Дафны Дюморье впервые выходит на русском языке.

Содержание

Дафна Дюморье	5
Предисловие	6
К читателю	9
Фрэнсис Бэкон	10
Фрэнсис Бэкон. Вершины власти и опала	11
1	11
2	17
3	23
4	28
5	33
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дафна Дюморье

Извилистые тропы

© The Chichester Partnership, 2011

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Дафна Дюморье

Дафна Дюморье (1907–1989) родилась в Лондоне, в семье знаменитого актера и режиссера сэра Джеральда Дюморье, чьим отцом был писатель и художник Джордж Дюморье. Страстная любительница чтения, она с детства жила в мире, созданном ее собственной фантазией, и даже придумала для себя alter ego – мужчину. Образование она получила дома, как и ее сестры, потом училась в Париже, а в 1928 году начала писать рассказы и очерки; в 1931 году был опубликован ее первый роман «Дух любви». За ним последовали биография ее отца и еще три романа, однако двери в мир литературы перед ней распахнул роман «Ребекка», который поставил ее имя в ряд самых популярных писателей того времени. В 1932 году Дафна Дюморье вышла замуж за майора Фредерика Браунинга, у них родилось трое детей. Дюморье писала не только романы, она автор рассказов, пьес, жизнеописаний. Многие фильмы, снятые по ее романам-бестселлерам, отмечены кинематографическими премиями, сама же Дафна Дюморье в 1969 году была награждена орденом Британской империи. Большую часть своей жизни она прожила в Корнуолле, где разворачивается действие многих ее книг. Умерла она в 1989 году, и в посвященном ей некрологе Маргарет Форстер написала: «Нет ни одного столь же популярного писателя, кому было бы так же трудно приклеить какой-то определенный ярлык, как ей... Она умела привлечь любителей беллетристики и в то же время удовлетворяла высоким требованиям «настоящей литературы», что удается очень немногим писателям».

Подняться к вершинам власти можно лишь извилистыми тропами.

Фрэнсис Бэкон.
Эссе XI, 1625 г.

Предисловие

Свою первую беллетризованную биографию Дафна Дюморье опубликовала в 1934 году, когда ей было двадцать семь лет. Героем этой книги был недавно скончавшийся отец Дафны, с которым у нее были в детстве и в отрочестве очень близкие, возможно, даже чрезмерно близкие, как определили бы психоаналитики, отношения. Сын Джорджа Дюморье, художника, иллюстрировавшего журнал «Панч» и написавшего роман «Трильби», Джеральд Дюморье прославился не столько глубоким проникновением в роли великого классического репертуара, сколько небрежным изяществом, с которым он играл героев современных пьес. Многих из друзей Джеральда и коллег-актеров книга Дафны шокировала, они сочли неподобающей такую откровенность дочери. Однако хвалебные рецензии и коммерческий успех книги многократно превзошли надежды и ожидания молодого автора и привлекли к ней интерес куда более многочисленной читательской аудитории, чем все три предыдущих романа.

Две последние книги в этом жанре, «Извилистые тропы» и предшествовавшую ей ««Юность с пламенем в очах»¹: молодые годы Энтони и Фрэнсиса Бэкона и их друзей», Дафна Дюморье написала почти сорок лет спустя уже в совсем других обстоятельствах. Как с горечью замечает Маргарет Форстер в своей замечательной биографии Дафны Дюморье, некогда жизнерадостная, полная сил и энергии, необычайно честолюбивая женщина превратилась в мрачную затворницу.

Но самое печальное – ее богатое воображение, создавшее такие бестселлеры, как «Ребекка», «Французова бухта» и «Моя кухня Рейчел», сейчас отказывалось придумать сюжет, который можно было бы положить в основу увлекательного романа. Отвратила ее от беллетристики неожиданно обескураживающая реакция критики на ее роман «Правь, Британия» – сатиры, где Англия и Соединенные Штаты Америки объединились в одно государство, при том что имя писательницы обеспечило этому роману высокие тиражи и принесло очень неплохой гонорар.

Однако Дюморье была уверена, что, если она больше не способна вдохнуть жизнь в придуманную интригу, ее литературный дар достаточно силен, чтобы оживить сюжеты из реальной жизни. И, как подтверждают обе книги о братьях Бэкон, у нее были все основания для такой уверенности. Мы в каждой из них ощущаем ее прежнюю способность ярко нарисовать характеры, построить захватывающую интригу, воспроизвести обстановку и воскресить дух времени.

Мы можем лишь гадать, что побудило Дафну Дюморье обратиться к Энтони и Фрэнсису Бэкон и их друзьям именно в тот период ее жизни, когда волна, подняв ее на гребень успеха, неожиданно начала спадать. Писатель Роберт Лидделл, уже много лет живущий в Греции, однажды рассказал мне, когда речь зашла о ее поездке в Афины в середине пятидесятых годов, еще задолго до того, как она задумала писать о Бэконах, что он как-то упомянул в разговоре с ней об «Эссе» Фрэнсиса Бэкона, которые он как раз в это время перечитывал. Она откликнулась на это с таким же пылким интересом, какой испытывал он сам, и рассказала ему, что лет в пятнадцать-шестнадцать гувернантка велела ей прочесть «Эссе» Бэкона, взялась она за них с большой неохотой, но сразу же увлеклась. И конечно, как замечает Маргарет Форстер, на нее сильнейшее впечатление произвел монументальный семитомный труд Джеймса Спеддинга «Письма и жизнь Фрэнсиса Бэкона». Как и многие другие биографы Бэкона, Дафна Дюморье в основном черпала сведения из него.

¹ Шекспир. «Цимбелин», акт IV, сцена 2, «Похоронная песня». – *Здесь и далее примеч. пер.*

Вполне возможно, что Дафну Дюморье также привлекли к этим персонажам ходившие даже при их жизни слухи, что они, как члены интимного круга друзей Роберта Деверё, графа Эссекса, были вовлечены в гомосексуальные интриги и даже в гомосексуальные связи. Тема гомосексуальности волновала Дюморье всю жизнь. Противоестественно привязанный к ней отец не раз признавался дочери, как он мечтал, чтобы она родилась мальчиком. В детстве и в отрочестве она даже считала, что она и есть мальчик, заключенный в теле девочки, как впоследствии другой писатель, Джеймс (позднее Джен) Моррис, считал себя женщиной, которую заперли в теле мужчины.

В двадцать два года у Дафны Дюморье случился роман с человеком, который любил ее гораздо более страстно, чем она его. Это был внебрачный сын актера и режиссера Герберта Бирбома Три, начинающий актер Кэрол Рид, впоследствии ставший знаменитым кинорежиссером. Роман вызвал у отца Дафны ревность, граничащую с одержимостью. Позднее она стала верной женой генерала «Боя» Браунинга, аристократически безупречного военного деятеля. И все же ее время от времени влекло к женщинам. Самую сильную привязанность такого рода она испытала, когда ей уже было за пятьдесят, к блистательной светской красавице и актрисе Гертруде Лоуренс, которая много лет была подругой Ноэля Каурда, исполнительницей главных ролей в его пьесах и его музой. Безвременная смерть Гертруды Лоуренс, ушедшей из жизни в возрасте пятидесяти четырех лет, сразила Дафну Дюморье наповал. Можно с уверенностью сказать, что после этой утраты ее интерес и к жизни, и к работе стал гаснуть.

В отличие от многих авторов, писавших биографии известных исторических личностей, Дафна Дюморье была так же неутомима в своих изысканиях, как Антония Фрейзер. Правда, в особенно затруднительных случаях она прибегала к помощи других (например, при расшифровке почерка леди Бэкон, матери Энтони и Фрэнсиса), но, как правило, она без устали сама копалась в архивах и в поисках старинных записей исколесила не только Англию, но и Францию. Когда обе книги вышли, ученые с огромной похвалой отозвались о тщательности и скрупулезности ее исследований. Ведь именно она удивила английских читателей неожиданным открытием, которое она сделала в архивах департамента Тарн-э-Гаронн за год до выхода ее первой книги «Юность с пламенем в очах». Выяснилось, что во время своего пребывания во Франции Энтони Бэкон был обвинен в содомии, что тогда каралось смертной казнью.

Когда А.Л. Роуз прочел «Извилистые тропы», которые подарила ему Дафна Дюморье, бывшая не только его соседкой, но и другом, он с удовольствием рекомендовал рукопись издателю Чарлзу Монтиту, однако заметил: «Одна беда: эти пишущие биографии дамы обязательно влюбляются в своих героев». Если он хотел этим сказать, что Дафна Дюморье не проявила достаточной суровости, описывая не самые привлекательные черты личности Бэкона и сомнительные эпизоды его жизни – его ставшую притчей во языцех расточительность, его двоедушие, неутолимое честолюбие, предательство по отношению к своему бывшему другу и покровителю графу Эссексу, против которого он выступил в роли общественного обвинителя во время суда над ним в Вестминстерском дворце, изощренную пронырливость, с которой он карабкался к вершинам власти, – что ж, в его словах есть доля правды. Но то, что писательница «влюбилась» в своего героя, оказалось великим благом, потому что позволило ей написать о нем с тем же глубоким пониманием, какое она проявляла по отношению к самым незначительным персонажам своих романов. Конечно, у Бэкона было много слабостей, но глубина его образованности и дерзкая всеохватность мысли были поистине уникальны для того времени. И эту уникальность Дафна Дюморье сумела замечательно показать.

Маколей морализаторски говорит о Бэконе, что «это был человек, чьи принципы никак нельзя назвать твердыми, а дух высоким». А вот что пишет Литтон Стрейчи: «Независи-

мость суждений, необъятная гордыня, неутолимое честолюбие, переменчивость, тончайшее чутье, безупречный вкус во всем – все эти качества, сплетаясь, сталкиваясь в яростном конфликте, врасая друг в друга, придавали его загадочному облику вкрадчивое и неотразимое обаяние ядовитой змеи». Возможно, Дафна Дюморье не слишком ярко показала, сколько змеиного коварства таилось в этом переменчивом, с такими зыбкими принципами человеке, зато ей удалось прекрасно показать блеск и могущество его гения».

После публикации этих двух биографий бэкониианцы стали считать Дафну Дюморье своей сторонницей. Но хотя она приводит множество сведений, которые при желании можно истолковать как подтверждение взгляда, что автором шекспировских пьес был ее герой, она нигде не рискует пойти дальше предположения, что братья Бэкон и другие аристократы, наделенные литературным талантом, могли в разное время написать то, под чем стоит псевдоним «Шекспир». По ее мнению, это могло быть всего лишь несколько подаренных Шекспиру строк, сюжет или эпизод, характер персонажа, а иной раз и сонет.

И тем не менее все, что Дафна Дюморье пишет об этом аристократе, обладавшем исполненной мощью ума, могучим воображением, широчайшей образованностью и редчайшим даром слова, позволяет заключить, что он вполне мог быть единственным автором всех этих великих творений литературы.

Фрэнсис Кинг, 2005 г.

К читателю

«Юность с пламенем в очах» посвящена жизни Энтони Бэкона, его брата Фрэнсиса и их друзей. Когда Энтони умер в мае 1601 года, Фрэнсису было сорок лет. Ему предстояло прожить еще двадцать пять лет, стать генеральным стряпчим, потом генеральным прокурором, членом тайного совета и лордом-канцлером. В начале всего лишь сэр Фрэнсис Бэкон, он стал бароном Веруламом, а под конец виконтом Сент-Олбансом. Женился. Его карьере описывали многие знаменитые историки и биографы, а его литературные, философские, научные и прочие труды глубочайшим образом изучали и продолжают изучать ученые всего мира.

Когда я завершила «Юность с пламенем в очах», мне стало ясно, что простой читатель (к каковому я отношу и себя) никогда особенно не интересовался Фрэнсисом Бэконом и уж тем более не понимал необычайной сложности его характера и редкой многогранности личности. И мне очень захотелось попытаться рассказать о нем.

Так появились на свет «Извилистые тропы».

Дафна Дюморье, 1975 г.

Фрэнсис Бэкон Важнейшие даты жизни

Родился вторым сыном у сэра Никола-са Бэкона (лорд-хранителя большой государственной печати) и Анны (невестки Уильяма Секста, лорда Берли)	22 января 1561 г.
Принят в Тринити-колледж Кембриджского университета	10 июня 1573 г.
Принят в школу барристеров «Грейз инн»	21 ноября 1576 г.
Избран членом палаты общин как депутат от Мелкомба	1584 г.
Возведен в рыцарское достоинство королем Яковом I	23 июля 1603 г.
Получил статус адвоката с королевским патентом	25 августа 1604 г.
Генеральный стряпчий	25 июня 1607 г.
Генеральный прокурор	26 октября 1613 г.
Член тайного совета	9 июня 1616 г.
Лорд-хранитель большой государственной печати	3 марта 1617 г.
Лорд-канцлер	4 января 1618 г.
Барон Верулам	июль 1618 г.
Виконт Сент-Олбанс	27 января 1621 г.
Осужден палатой лордов	3 мая 1621 г.
Умер	9 апреля 1626 г.

Фрэнсис Бэкон. Вершины власти и опала

1

Когда старший брат Фрэнсиса Бэкона Энтони умер, Фрэнсису было сорок лет. Умер Энтони 17 мая 1601 года и был похоронен в Лондоне, в Сити, на Харт-стрит, в церкви Святого Олава. Присутствовал ли Фрэнсис на похоронах, неизвестно. Среди его корреспонденции нет ни одного письма, где бы он рассказывал о своей утрате, и вообще, судя по всему, это событие не обсуждалось в обществе, единственное упоминание о нем можно найти в письме собирателя новостей и слухов, хроникера того времени Джона Чемберлена к своему приятелю Дадли Карлтону. 27 мая он пишет: «Недавно умер Энтони Бэкон, но он так погряз в долгах, что его брат, как мне кажется, ничего от его смерти не выиграл».

Всего несколько небрежных слов мимоходом о человеке, которого так хорошо знали государственные деятели того времени, дипломаты, придворные и все, кто вращался в высших кругах общества. Ни тени сожаления о том, кто умер в сорок три года, сломленный, потеряв здоровье и утратив волю к жизни после осуждения и казни своего друга и покровителя, которому он служил так преданно и верно, злосчастливого Роберта Деверё, графа Эссекса. Возможно, краткость сообщения была вынужденной: не подобало выказывать сочувствие тем, кто был причастен к заговору Эссекса, раскрытому несколько месяцев тому назад. Не считая близких друзей и членов семьи, казненного графа жалел только простой люд, который считал его своим героем.

Что касается Фрэнсиса, причины его молчания имели более глубокие корни. Во время суда над обвиненным в государственной измене графом в Вестминстерском дворце Фрэнсис Бэкон выступил обвинителем по личному повелению ее величества королевы, не подчиниться которому он не смел. И если его слова, произнесенные без злого умысла и с величайшей искренностью – ведь он был убежден, что мятеж и в самом деле имел целью захват власти, – помогли отправить введенного в заблуждение графа на эшафот, то что ж, таков был его тягостный, печальный долг. Граф был его покровителем и другом, оказывал ему немало услуг, Фрэнсис платил ему тем же. Но преданность монарху была превыше дружбы и благодарности. Он усвоил это, еще сидя ребенком на коленях у отца. Сэр Николас Бэкон, лорд-хранитель большой государственной печати, почитал выше королевской власти только власть Бога. У Фрэнсиса были и свои собственные причины продемонстрировать преданность короне. Он знал, что, если проявит весь блеск своего ораторского искусства – а именно за этот талант он, не занимающий сколько-нибудь высокого поста юрист, и был выбран для участия в столь важном процессе, – то в Вестминстерском дворце никто не станет вспоминать, что его брат Энтони был близким другом и наперсником графа и вполне может быть привлечен к суду за причастность к заговору, несмотря на тяжелую болезнь. Возможно, участие Фрэнсиса в процессе и поможет отправить графа Эссекса на плаху, зато он спасет брата Энтони от виселицы.

Однако ее величество потребовала большего. Младший сын ее старого слуги, лорда-хранителя большой государственной печати, не только легко и красиво говорит, он еще и великолепно пишет. И потому она поручила ему написать «Прокламацию о злоумышлениях и предательствах, на которые покушался и которые были совершены Робертом, покойным графом Эссексом, и его сообщниками, против ее величества и ее владений».

Неблагодарная это была задача, тем более что, когда Фрэнсис ее выполнил, королева лично внимательно прочитала «Прокламацию» и вычеркнула все, что могло быть похоже на сочувствие и сострадание. Отредактированный документ был отправлен в печать 14 апреля,

через полтора месяца после казни графа в Тауэре. А еще через месяц скончался брат Фрэнсиса, Энтони, сломленный и опустошенный.

Так что старания Фрэнсиса оказались в общем-то напрасными. Фрэнсис спас честь брата и его доброе имя, но, спасая их, ускорил его кончину. Без сомнения, Энтони предпочел бы умереть позорной смертью на виселице через несколько дней после казни своего любимого друга графа Эссекса, а не влачить жалкое существование эти несколько недель.

«До такой степени погряз в долгах, – писал Джон Чемберлен Дадли Карлтону, – что его брат, как мне кажется, ничего от его смерти не выиграл». Кредиторы Энтони не знали, где его найти. Не знали даже, где Энтони был похоронен. Зато могли одолевать его брата Фрэнсиса в его квартире в Грейз инне, а если надо, то и разыскать в Хартфордшире, в его поместье Горэмбери. Там жила, уединившись от мира, его мать, семидесятитрехлетняя леди Бэкон, раздавленная горем после событий последних месяцев, вернее даже, последних лет, начиная с той поры, как граф Эссекс впал в немилость после своего возвращения из Ирландии – куда он, командующий войсками королевы, был послан подавить восстание графа Тайрона и где потерпел позорное поражение, – и заканчивая его собственным восстанием и казнью. Как часто она предупреждала Энтони, что его преданность графу до добра не доведет, но все впустую; и вот теперь ее первенец умер, всеми покинутый, одинокий, может быть, никто даже не прочел над ним в последний час молитвы.

Ее разум начал мутиться, она бродила и бродила по комнатам и длинной галерее Горэмбери, разговаривала сама с собой, искала знакомые лица, звала старых слуг, которые преданно служили ей в былые дни, но кто-то из них уже умер, кто-то оставил их дом. Когда приехал ее младший сын Фрэнсис и стал разговаривать с ней об арендной плате фермеров, о договорах, записях и долгах, она не могла понять, почему он всем этим интересуется, не могла понять, что он теперь наследник своего брата и должен найти деньги, чтобы заплатить кредиторам Энтони. Каким кредиторам? Этой своре прихлебателей, которых она всегда терпеть не могла? Этому пажу-французу? Этому католику-совратителю Лоусону? Она и слышать о них не хочет. Это отребье и близко подпускать к дому нельзя. Она знала, чем все кончится. Теперь ее, старуху, выгонят из дому и она будет скитаться по земле, одна-одиношенька, без слуг, не нужная даже своему единственному оставшемуся в живых сыну.

Разубеждать ее было бесполезно. Фрэнсис не мог успокоить свою истерзанную горем мать. Но долги между тем нужно было уплатить, чтобы оградить Горэмбери от претензий кредиторов и распорядиться им согласно завещанию. И Фрэнсис вернулся в Лондон, в Грейз инн, посоветоваться со своими близкими друзьями, которых его мать не любила так же сильно, как и друзей его брата. Один из кредиторов был вовсе не прихлебатель, а настоящий друг обоих братьев – Николас Тротт, у которого они много лет занимали деньги. Всего он одолжил им около 2600 фунтов, и хотя часть долга была ими выплачена, проценты все росли и росли, так что Фрэнсис был вынужден заложить свой собственный дом в Туикенем-Парке. Николас Тротт, так долго и терпеливо ждавший, имел право вступить во владение имуществом Бэкона, если долг не будет возвращен к ноябрю текущего, то есть 1601 года. Более того, он планировал жениться, что заставляло его еще более настойчиво добиваться возврата денег.

Какая горькая ирония и какой удар по самолюбию Фрэнсиса, что единственной его надеждой выплатить долг были 1200 фунтов, обещанные королевой за недавнюю услугу короне – выступление на процессе в Вестминстерском дворце плюс, разумеется, написание «Прокламации». Эта сумма должна была состояться из штрафов, наложенных на тех соратников покойного графа, кто купил себе прощение и не был казнен, распоряжалось же этими деньгами казначейство. Фрэнсису еще повезет, если он получит обещанную сумму не позже чем через год; кстати, и для утверждения его в правах наследства покойного Энтони потребуются такой же срок.

Во время долгих парламентских каникул, гуляя по аллеям Горэмбери, пока его мать сидела безвыходно дома со своими служанками, Фрэнсис получил возможность осмыслить положение, в котором он оказался, прожить заново двадцать два года, что прошли со смерти отца, и картина, которая перед ним нарисовалась, никак не радовала. Он не оправдал надежд, которые возлагал на него отец, лорд-хранитель большой государственной печати. Многообещающий восемнадцатилетний юноша, отправившийся во Францию в свите посла ее величества королевы и намеренный поразить своими талантами дипломатические круги обеих стран, добиться известности как на политическом, так и на литературном поприще, спустя несколько месяцев вернулся домой после смерти отца и узнал, что отец даже не упомянул его в своем завещании. Он оказался в полной зависимости от матери и от старшего брата, разве что ему удастся что-то заработать с помощью собственных талантов, а талантами его, видит Бог, судьба не обделила. Вопрос только в том, как и где их применить.

Отец предрекал ему блестящее будущее. Будь лорд-хранитель жив, он со своим влиянием помог бы младшему сыну утвердить себя или в политике, или в юриспруденции. Но его влияние закончилось вместе с ним. А у неродного дяди Фрэнсиса, Уильяма Сесила, лорда Берли, который занимал сейчас пост лорда-казначея ее величества и был ее ближайшим советником, имелся собственный сын, Роберт Сесил, которого надо было продвигать вверх, и совершенно ни к чему были соперники. Литература? Грандиозный план собрать блестящее созвездие поэтов и писателей, которые со временем засверкают так же ярко, как французская «Плеяда», не нашел поддержки ни у дяди Уильяма Сесила, ни у ее величества, под покровительством которых он только и мог бы осуществиться. Наверное, маленький мальчик, которого королева когда-то гладила по головке и называла своим «маленьким лордом-хранителем большой печати», став взрослым, был ей совсем не интересен.

Оставалась юриспруденция. Выборный старейшина «Судебных иннов», имеющий место в парламенте... Но надежды на продвижение увяли, когда после семи лет заседаний в преданной ее величеству королеве палате общин Фрэнсис имел дерзость встать и выступить против бюджетного закона о тройном налогообложении, который был задуман как особая мера в связи с напряженной политической обстановкой. Суть его была в том, чтобы обеспечить выплату налогов подданными ее величества не каждые шесть лет, как было принято до сих пор, а каждые три. Выступление Фрэнсиса до такой степени разгневало королеву, что она запретила ему показываться ей на глаза, и тут уж о каком бы то ни было повышении следовало забыть.

И все же он не сдался. Его покаянное письмо не тронуло королеву – что ж, тогда за него заступится его единомышленник и покровитель граф Эссекс. Но как ни умолял граф королеву простить Фрэнсиса, ее величество оставила без внимания его заступничество.

Судебная карьера Фрэнсису также не давалась. Его соперник Эдвард Коук уже был генеральным прокурором, Сарджент Флеминг – генеральным стряпчим. Что до литературы, то он до сих пор писал всего лишь пьесы-маски и комедии, которые разыгрывались в Грейз инн, и прочие анонимные безделушки, которые занимали часы досуга. Опубликовал он к этому времени всего несколько эссе – десять, если быть точными, – которые посвятил своему брату, потому что Энтони восхищался Монтенем. Чтобы заполнить тоненький томик, он включил в него фрагмент, названный «Цвета добра и зла», а также религиозные размышления на латыни «*Meditationes Sacrae*». Эти последние хотя бы порадовали его мать, однако постулат, что высокое состояние души требует совершенной истины и свободы от каких бы то ни было заблуждений, был выше ее разумения.

Его личная жизнь складывалась еще менее удачно. Единственная молодая женщина, на которой он когда-либо хотел жениться, Элизабет Хаттон, внучка лорда Берли и вдова друга сэра Филиппа Сидни сэра Уильяма Хаттона, несколько месяцев принимала его галантные ухаживания, а потом в один прекрасный день тайно обвенчалась с его соперником

на поприще юриспруденции генеральным прокурором Эдвардом Коуком. Случилось это в ноябре 1598 года. Почему она так поступила, осталось невыясненным. Возможно, уступила давлению семьи, потому что Эдвард Коук был вдовец, ему было под пятьдесят и он мог обеспечить своей жене богатство и высокое положение, а Фрэнсиса несколько месяцев назад арестовал за долги еврей-ювелир, и он чудом избежал заключения в долговую тюрьму Флит, а уж о том, чтобы предложить сколько-нибудь привлекательный статус блестящей молодой красавице, одной из фрейлин королевы, к тому же урожденной Сесил, и говорить не приходилось. Ничего не поделаешь, Элизабет вышла за другого, хотя, если верить слухам, муж и жена непрерывно ссорились все эти годы, с самой своей брачной ночи.

И все равно сейчас, в августе 1601 года, Фрэнсис продолжал страдать от уязвленной гордости, потому что он бродит в одиночестве по своему имению Горэмбери, а генеральный прокурор и Элизабет Хаттон – она продолжала именовать себя леди Хаттон, привычно бросая вызов традициям, – принимают в это время в Стоуке, загородной резиденции Эдварда Коука, ни более ни менее как ее величество королеву Елизавету со всей ее огромной свитой. А ведь все могло быть иначе, Элизабет, супруга Фрэнсиса Бэкона, могла бы принимать ее величество в Горэмбери, как принимали ее тридцать лет назад его отец и мать.

Но что толку сожалеть о прошлом. Свои требования предъявляет настоящее, и самые настоятельные из них – заплатить долги брата и свои собственные. Фрэнсис не удалится от света, как удалился несчастный Энтони, не уединится в пещере, как Тимон Афинский, он употребит все способности своего ума, все таланты, которыми наградил его Господь, чтобы добиться высокого положения в парламенте или на юридическом поприще. Не для того, чтобы потешить свое тщеславие или гордыню, не для того, чтобы вызвать зависть коллег и восхищение друзей, но чтобы осуществить мечту, которая жила в нем с детства, ведь ему так страстно хотелось распространить знание по всему миру и одарить добрыми плодами этого знания все человечество.

«Веря, что я был рожден, дабы служить человечеству, – напишет он несколько лет спустя, – и почитая общественное благо всеобщим достоянием, таким же, как воздух и вода, которые принадлежат всем, я стал размышлять о том, какое именно служение принесит наибольшее благо людям и для какого служения наилучшим образом предназначен природой я». Фрэнсис никогда не рассказывал, когда эта убежденность в своем жизненном предназначении зародилась в сложном лабиринте его ума. Возможно, еще в детстве, когда королева улыбалась одаренному чудо-ребенку. А может быть, в Кембридже, когда его одноклассники часами корпели над задачами, которые он решал в мгновение ока. Он не гордился тем, что он умнее их, он просто это знал и принимал как естественное состояние. Это дар Господа, Фрэнсис не имеет права распорядиться им лишь в своих собственных корыстных интересах. Много из того, чему учила его в детстве мать, глубоко запечатлелось в его душе, хотя, возможно, он этого не осознавал. «У меня была надежда, – пишет он далее, – что, если я займу высокий пост в государстве, я смогу также трудиться, принося благо человеческим душам. Однако когда я увидел, что мое рвение принимают за честолюбие, а жизнь моя начинает клониться к закату, слабеющее здоровье напомнило, что я не могу позволить себе такую медлительность, более того, я осознал, что, не сотворив того добра, которое я один только и могу сотворить, и занявшись тем, что может быть выполнено только с согласия других и при их помощи, я ни в коей мере не отказываюсь от долга, который на меня возложен, – так вот, я отбросил все эти соображения и, преисполнившись прежней своей решимости, полностью посвятил себя этой деятельности».

Листок бумаги с этими словами, написанными на латыни, был куда-то засунут и найден только после смерти Фрэнсиса.

А сейчас, в 1601 году, ему все еще предстояло пробиваться в этой жизни наверх. Когда королева созвала парламент 27 октября, Фрэнсис, как его член, представляющий Ипсвич,

твердо решил выступить и на этот раз, говоря правду и не кривя по возможности душой, не оскорбить королеву. Мог ли он предвидеть, что это будет последний созыв парламента за все ее долгое и славное правление – никакого другого правления Фрэнсис за свои сорок лет и не знал, – а если бы предвидел, то, наверное, строки латинской элегии, которую он посвятит ее памяти несколько лет спустя, слетели бы с его уст сейчас. Как бы там ни было, дела, которые надлежало рассмотреть палате общин, большой важности не представляли. Один из законов был направлен против злоупотреблений с обвешиванием и обмериванием, в другом предлагалось отменить излишне стеснительные для торговли ограничения, оба были предложены к рассмотрению высокочтимым членом палаты от Ипсвича мистером Фрэнсисом Бэконом. «Должен довести до вашего сведения, мистер спикер, что порочная практика использования неправильных показаний мер и весов распространилась повсеместно и перешла всякие границы допустимого; даже при строительстве церковей вам придется возводить стены и отливать колокола, пользуясь неправильными гириями из меди и свинца». Этот билль прошел второе чтение и был отвергнут. Что касается второго предложения Фрэнсиса – «Законы все равно что золоченые пилюли, их легко и приятно глотать, никакой горечи после них не чувствуешь, и они не расстраивают пищеварение... Чем больше законов мы принимаем, тем больше ловушек расставляем для самих себя», – то оно не вызвало ни обсуждения, ни даже комментариев; выступления высокочтимого члена парламента от Ипсвича не произвели впечатления ни 4 ноября, ни 6-го.

20-е и 21 ноября прошли в палате общин более оживленно. Был внесен законопроект, отменяющий некоторые монопольные привилегии, в связи с чем была поставлена под сомнение привилегия королевы лично предоставлять эти монополии. Фрэнсис выступил против этого законопроекта, заявив: «Я утверждаю и буду утверждать, что мы не должны ни обсуждать, ни осуждать, ни тем более отменять привилегии ее величества». Возникшие по этому поводу дебаты продолжались несколько дней и завершились тем, что ее величество решила лично встретиться с преданной своей королеве палатой общин. Эта их встреча оказалась последней. Состоялась она в королевском дворце в Уайтхолле. Невозможно вообразить себе монарха более милостивого, более благосклонного и более доброго. В руках у королевы был листок с написанной речью, но она даже не заглядывала в него.

«Нет такого сокровища, будь это самый драгоценный клад в мире, который я ценила бы выше сокровища вашей любви ко мне... И хотя Господь вознес меня высоко, самой большой драгоценностью в моей короне я считаю вашу любовь, с помощью которой я правила». Члены палаты общин опустили перед ней на колени, но она повелела им встать, и если Фрэнсиса Бэкона еще мучили угрызения совести из-за той роли, которую она приказала ему сыграть во время суда над графом Эссексом, то они навсегда улетучились. Она его королева, пусть повелевает им всю жизнь. «Никогда на моем троне не будет восседать королева, которая бы больше радела о своей стране, так пеклась о своих подданных и с такой радостью пожертвовала бы своей жизнью ради вашего блага и вашей безопасности. Ибо я желаю жить и править только для того, чтобы моя жизнь и мое правление приносили вам благо. И хотя на этом троне сидели и, возможно, будут сидеть монархи более могущественные и мудрые, среди них не было и не будет более заботливого и любящего, чем ваша королева».

От внимания сорокалетнего члена палаты общин, которого королева когда-то называла «мой маленький лорд-хранитель большой печати», не укрылось то обстоятельство, что острое политическое чутье подсказало ей два дня назад издать указ о том, что некоторая часть ранее дарованных привилегий, которые вызывали такое сопротивление в палате общин, должна быть отменена, для чего действие всех привилегий должно быть приостановлено до тех пор, пока они не будут пересмотрены, а все допущенные злоупотребления устранены. Но от этого его восхищение государственным умом ее величества лишь возросло.